
ДЕЙМОН КРАШ
АННА АЛЕКСЕЕВА
Сладкая булочка для ДРАКОНА
18+

Анна Алексеева

Сладкая булочка для дракона

«Автор»
2026

Алексеева А.

Сладкая булочка для дракона / А. Алексеева — «Автор», 2026

— Никому не говори о том, что случилось в прачечной.— О севших штанах или о метке истинности у тебя на плече?— О метке! У меня невеста, репутация и расписанная на годы жизнь.— А у меня дар выключать драконам желание одним усилием воли. Хочешь проверить, красавчик, или сразу научишься разговаривать вежливо?Шесть лет звезда академии Кассиан Дэраго смотрел сквозь меня, пышную полукровку с лекарского по прозвищу Булочка. Одно пирожное с запретным манго, одна запертая прачечная – и наутро у нас на плечах горят метки истинной пары. Он намерен прятать меня до самого выпуска, а я намерена выяснить, на сколько дней хватит его выдержки.

© Алексеева А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Счастливые штаны 5
Глава 2. Сдобная арка 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Деймон Краш, Анна Алексеева
Сладкая булочка для дракона

Глава 1. Счастливые штаны

Конспект по разрывам каналов я дописывала в вечерней гостиной "Изумрудного Грота", за столом у окна, и до конца оставалось полстраницы.

Гостиная жила привычной жизнью. На подоконнике целовались двое с медиа-факультета, в углу артефакторы ругались над разобранным вещателем, а лучшее кресло у камина занимал Кассиан Дэраго. Он чертил что-то на доске, закинув ногу на ногу, и золотистые волосы падали ему на лоб с тщательно выверенной небрежностью.

Перед ним стояла Кейли Саргон с фарфоровым блюдцем в руках.

— Попробуй, Кас, оно особенное, – пропела она и заправила за ухо розовую прядь. – Тётя прислала из города, внутри тропические сливки, большая редкость.

С блюдца потянуло сладким и густым, с тухловатой нотой на самом дне. Мать однажды дала мне понюхать изъятый дознавателями образец манго и велела запомнить его навсегда. Нос запомнил и теперь поднял мою голову над тетрадью без всякого моего участия.

Кассиан взял пирожное, не отрываясь от чертежа, и откусил с краю.

Я успела посчитать последствия, пока он жевал. Один укус давал лёгкое опьянение и приятное тепло, заметное только лекарю. Целое пирожное лишало дракона контроля над собой, и Кейли явно собиралась оказаться рядом в нужную минуту.

Крикнуть "там манго" на всю гостиную я не могла. Саргоны держали в руках тайную полицию, улика исчезала у меня на глазах, а слово полукровки против слова огненной драконицы весило примерно один грош. Оставался способ, которым я владела в совершенстве.

За шесть лет в Скайхолле мои бёдра заслужили репутацию стихийного бедствия. Они роняли чернильницы, сметали стопки книг, а на втором курсе снесли макет моста, над которым Кассиан просидел всю ночь. Он тогда молча склеил мост заново и даже не посмотрел, кто виноват.

Я поднялась, прижала к груди конспект и пошла к камину самой короткой дорогой. Край ковра подвернулся под мою туфлю с большой готовностью, после чего бедро въехало в подлокотник, а локоть – в руку с пирожным.

Пирожное описало в воздухе красивую дугу и шлёпнулось кремом вниз на колено Кассиана.

В гостиной стало так тихо, что я услышала треск полена в камине, а двое на подоконнике перестали целоваться.

Кассиан медленно опустил взгляд на светло-серую ткань, по которой расползалось жёлтое пятно.

— Это мои счастливые штаны, – сообщил он, обращаясь почему-то к пятну.

Про счастливые штаны Кассиана Дэраго в Скайхолле знали даже первокурсники. В них он сдал ГРАН, защитил три курсовых проекта и собрал полную коллекцию высших баллов. Завтра в девять утра ему предстояла защита выпускного проекта перед комиссией, и вся академия понимала, в чём он туда придёт.

— Булочка, ты хоть иногда смотришь, куда несёшь своё богатство? – прошипела Кейли, и на её широких скулах проступили красные пятна.

— Богатство само выбирает дорогу, я его только сопровождаю, – ответила я и почувствовала, что уши у меня горят.

Кейли развернулась к Кассиану и тронула его за плечо.

— Пойдём, Кас, я помогу тебе всё отчистить. У меня в комнате осталось ещё одно пирожное, заодно доешь.

Второе пирожное в запертой комнате Кейли Саргон меня совершенно не устраивало. Пациент уже получил дозу, и по всем правилам экстренной помощи за ним полагалось наблюдать.

— Тропические сливки въедаются в ткань за четверть часа, – сказала я громко. – Общая прачечная вернёт вещи только через сутки, а я знаю, чем такое пятно снимают, у меня мать аптекарша.

Кассиан наконец поднял на меня глаза, тёмно-карие и очень недовольные, и долго рассматривал нашивку на моём жакете, потом очки, потом снова нашивку.

— Ты ведь с лекарского, верно? – уточнил он.

Шесть лет в одном корпусе, и опознал он меня по нашивке факультета.

— С лекарского, шестой год и без перерывов, – подтвердила я.

— Тогда идём, катастрофа. Ты испортила, тебе и исправлять.

Он встал, вернул блюдце Кейли и кивнул ей с вежливостью, от которой у неё дёрнулась щека.

— Спасибо за угощение, доем в другой раз.

По лестнице в подвал он шагал впереди и нёс испачканное колено с достоинством раненого полководца, а я спускалась следом и считала минуты до первого симптома.

Прачечная нашего корпуса пряталась в дальнем конце подвала. Вдоль стены выстроились бытовые артефакты – пузатые медные короба с круглыми крышками и рядом рун на боку. По вечерам сюда никто не спускался, потому что нормальные адепты сдавали бельё в общую стирку и ждали сутки.

Кассиан задвинул засов на двери и расстегнул ремень.

— Я без штанов – зрелище для узкого круга, – пояснил он и стянул их без малейшего смущения.

В Виригии голыми ногами никого не удивить, и я честно собиралась остаться неудивлённой. Ноги Кассиана с моими намерениями не посчитались: длинные, смуглые, с золотистыми волосками и твёрдыми мышцами над коленом. Я забрала у него штаны и отвернулась к каменной раковине, пока мои щёки не выдали лишнего.

— Теперь слушай внимательно, – сказала я, соскребая крем пальцами. – В пирожном было манго, и один кусок ты успел проглотить.

За моей спиной раздался короткий смешок.

— Кейли из Саргонов, спасительница, её родня сажает за манго в тюрьму. Ты перепутала запах с цитроном.

— Я шесть лет учусь на экстренной помощи и три года до этого работала в лекарской практике, мой нос цитрон от манго отличает. Через пару минут у тебя потеплеют уши, затем зрачки сожмутся в точку, а под конец я покажусь тебе очень остроумной.

— Последний симптом мне точно не грозит.

Я пустила холодную воду и взялась за щелочное мыло с полки. Никакого тайного аптекарского состава не существовало, я выдумала его ради спасения пациента. Пятно бледнело неохотно, прядь из растрепавшейся косы лезла мне в глаза, и я убрала её запястьем.

Крем с костяшки пальца я слизнула, не успев подумать. Детство за аптечным прилавком приучило меня пробовать с рук всё подряд – сироп, мёд, мятную пасту от кашля.

Язык обожгло сладостью, и я застыла над раковиной с высунутым кончиком.

— Ты только что съела улику, – заметил Кассиан с большим интересом.

— На людей манго действует слабее, а я человек наполовину, – ответила я, обращаясь в основном к себе. – Один палец – доза смешная, я даже ничего не почувствую.

— Конечно, не почувствуешь, ты же шесть лет училась.

Уши у него уже порозовели, и он улыбался, чего за Кассианом Дэраго в адрес полукровок раньше не водилось. Я решила не сообщать пациенту о первом симптоме и понесла штаны к ближайшему артефакту.

Круглая крышка откинулась с довольным чмоканьем, и из короба пахнуло горячей медью. Я уложила штаны на дно и наклонилась над бортом, чтобы расправить штанины, а коса окончательно распустилась и съехала внутрь.

— Позволь мне, я архитектор и с медным ящиком справлюсь, – объявил Кассиан у меня над плечом.

Я едва успела убрать голову, когда он ткнул в руну на боку и с размаху захлопнул крышку. Внутри зашумела вода, короб загудел и мелко задрожал. Я попробовала выпрямиться, и затылок дёрнуло болью: половина моих волос осталась под крышкой.

— Кассиан, открой немедленно, ты прищемил мне косу.

Он потянул крышку одной рукой, затем двумя, затем упёрся босой ступнёй в стену. Медный обод даже не шелохнулся, а на боку артефакта ровным светом горела выбранная им руна.

— Крышка запирается до конца стирки, – сообщила я, разглядев руну сквозь съехавшие очки. – Ты включил кипячение, оно идёт четверть часа.

— Значит, четверть часа ты проведёшь на этом месте.

— Какое тонкое инженерное наблюдение.

Волос хватало ровно на то, чтобы стоять, опираясь локтями на тёплую гудящую крышку. Поза выходила выразительная, особенно с учётом асимметричной юбки и моего главного богатства, обращённого к зрителю.

Кассиан задумчиво выпустил на указательном пальце коготь, длинный и прозрачный, из чистого стекла.

— Могу срезать у самой крышки, выйдет быстро и почти ровно.

— Тронешь мои волосы, и я на дюжину дней отключу тебе чувствительность в причинном месте, – пообещала я. – Лораны такое умеют, можешь проверить.

Коготь втянулся обратно, а Кассиан вдруг расхохотался, запрокинув голову. Смеялся он долго и со вкусом, и по прачечной прыгало эхо.

— Вот и третий симптом, – вздохнула я. – Теперь покажи мне зрачки.

Он послушно наклонился ко мне. Зрачки у него сжались в две чёрные точки, дрогнули и поползли вширь, вытягиваясь по вертикали. От него пахло нагретым песком, а под этим запахом поднимался второй, тёмный и пряный, знакомый любой драконице.

Мой собственный запах менялся в ту же сторону, и скрыть это от дракона не сумел бы ни один лекарь.

Четверть часа кипячения только начиналась, и провести её мне предстояло на привязи.

Тепло началось в животе и поползло вниз, к коленям, которые внезапно разучились держать мой вес. Крышка под локтями гудела, и эта дрожь отдавалась во всём теле, от груди до пальцев ног. Смешная доза с одного пальца вела себя совершенно несмешно.

Кассиан стоял в шаге от меня и изучал мою шею над воротничком, шнуровку корсета, бёдра под сбившейся юбкой, а дышал при этом через рот.

— Малышка, почему я шесть лет на тебя не смотрел? – спросил он хрипло.

— Ты шесть лет здороваешься с моей подругой Норой и смотришь сквозь меня на стену.

— Грубейшая ошибка проектирования, я её признаю.

— А ещё я на втором курсе снесла твой мост.

— Мост был плохой, – отмахнулся он и улыбнулся шире. – Я потом построил новый и получил за него высший балл.

Он шагнул ближе, и запах песка накрыл меня с головой. У меня пересохло во рту, а грудь под блузкой отяжелела и упёрлась в шнуровку корсета.

Лекарь во мне успел поднять руку.

— Стой, Кассиан, я обязана сказать по долгу службы. У тебя в крови один укус, у меня один палец, мы оба ещё способны ответить "нет" и разойтись по комнатам.

— Способен, – согласился он и упёрся ладонями в крышку по обе стороны от моих локтей. – Только я хочу ответить "да" и жду, что скажешь ты.

Его дыхание грело мне висок. Я прислушалась к себе с честностью, которой требовало ремесло: голова работала, язык слушался, а тело уже проголосовало единогласно.

— Да, – сказала я. – Утром мне будет очень неловко, но сейчас я говорю "да".

— С утром мы разберёмся, когда оно наступит.

Он поцеловал меня в шею под ухом, медленно и влажно, и у меня подогнулись колени. Его ладони легли на мои бёдра, сжали их, и над моим затылком раздался длинный восхищённый выдох.

— Теперь я понял, за что тебя зовут Булочкой, – пробормотал он мне в волосы. – Я считал прозвище обидным, а оно, оказывается, хвалебное.

— Запиши это наблюдение, на трезвую голову ты его забудешь.

Он прижался ко мне сзади всем телом, и жар его кожи прошёл через тонкую рубашку и мою блузку. Медь под моими локтями была горячая и дрожала мелкой настойчивой дрожью. Я охнула, повернула голову через плечо и нашла его губы.

Целовался Кассиан жадно и неторопливо разом, с привкусом тропических сливок на языке. Свою рубашку он расстегнул одной рукой, бант моей блузки распустил на ощупь, а со шнуровкой корсета возился долго и поминал Бездну. Я подсказала, за какой конец тянуть, и получила в благодарность поцелуй в плечо.

Когда блузка сползла с моих плеч, он развернул меня к себе вполоборота и посмотрел. Нагота в Скайхолле давно никого не занимала, однако Кассиан смотрел долго, и кадык у него ходил вверх-вниз.

— У драконицы такого не бывает, – сказал он наконец.

— У драконицы всё уходит в крылья, у меня осталось при мне.

— Передай своей человеческой матери мою глубокую признательность.

Его ладони накрыли мою грудь, и остроумие у меня закончилось. Пальцы у него были горячие и неспешные, губы шли вниз по позвонкам, а локти мои разъезжались по гладкой меди. Артефакт подо мной гудел, вода внутри плескалась, по спине бежали мурашки от затылка до копчика. Я подалась бёдрами назад, к нему, и он выдохнул "Булочка" мне в шею.

Потом между нами не осталось ни ткани, ни воздуха. Он двинулся в меня медленно, придерживая за бёдра, и я услышала собственный стон, низкий и совершенно незнакомый. Крышка дрожала под моей грудью, он двигался ей наперекор, и два этих ритма складывались во мне в один.

Потоки я вижу с детства, и его потоки сейчас неслись золотым половодьем от поясницы вверх. Моя сила сама потянулась ему навстречу, без рук и без моего решения, подхватила этот разлив на самом гребне и не дала ему схлынуть.

— Что ты со мной делаешь, Булочка? – выдохнул он, и плечи у него задрожали.

— Понятия не имею, сила работает без моего участия.

— Тогда пусть работает дальше, только не останавливай её.

Вершина, отпущенная дракону на несколько ударов сердца, растянулась у него на долгие минуты. В его потоках я видела чистое слепящее удовольствие без единой тёмной ноты, и оно не кончалось, пока моя сила держала гребень. Он перестал шутить, потом перестал говорить, и скоро от него осталось одно хриплое дыхание у моего уха. Меня саму качало всё выше, жар стягивался в тугой узел внизу живота, удерживать два потока разом я не сумела, и сила отпустила его сама.

Он хрипло вскрикнул и уткнулся лбом мне между лопаток, а меня накрыло следом, горячей долгой волной от живота до макушки. Перед глазами поплыло белое, в ушах зашумело, и где-то очень далеко гудел медный короб.

Несколько минут мы молча переводили дыхание, и в прачечной гудел один медный короб. Потом Кассиан отстранился и принялся застёгивать рубашку, а я потянула блузку обратно на плечи.

На правом плече у меня обнаружилось пятно, и я с досадой потёрла его пальцем, приняв за остатки крема. Оно не стёрлось, потому что под моим пальцем блестела золотистая вязь, тонкая, песчаная, с медными переливами на изгибах. Я обернулась, насколько пустила коса, и увидела на его правом плече, под распахнутой рубашкой, зелёно-каричневую брачную метку с лесным узором. Кассиан проследил за моим взглядом, скосил глаза на собственное плечо и замер с пуговицей в пальцах.

Метка проступает у дракона в единственном случае, после близости с истинной парой, и другого толкования у неё нет. Наши сияли ярко, с чёткими краями, законченные до последнего завитка.

— У меня до сих пор белое пятно перед глазами, – сообщил Кассиан севшим голосом. – Скажи, что узор на плече мне тоже мерещится.

— Тогда нам мерещится вдвоём, и у меня он золотой.

Артефакт подо мной звякнул, и руна на его боку погасла. Я сняла локти с крышки, после чего она мягко приподнялась и выпустила мою косу.

Кассиан запустил руку в горячий пар и вытащил свои штаны. Кипячение пошло им на пользу в смысле чистоты, пятно исчезло бесследно. Сами штаны при этом сели на добрых два размера, и штанины укоротились на целую ладонь.

— Удача твоя уцелела, она всего лишь стала компактнее, – сказала я и прикусила губу, чтобы не расхохотаться.

Ответить он не успел, потому что в дверь постучали, сначала вежливо, затем кулаком.

— Кас, ты здесь? – позвала Кейли из коридора. – Я принесла щётку и второе пирожное, открой мне!

Кассиан посмотрел на засов, потом на севшие штаны в своей руке, потом на зелёную метку у себя на плече. Он рывком натянул рубашку на плечо, застегнул её на все пуговицы и повернулся ко мне с лицом, на котором от недавнего веселья ничего не осталось.

— Тира, никому не говори.

Глава 2. Сдобная арка

Из прачечной мы выбирались по плану Кассиана, и весь план уместился в одну фразу: он выходит первым и уводит Кейли, я считаю до трёхсот. Бельевой люк в стене я отвергла сразу, потому что мои бёдра не прошли бы в него даже по частям.

Он вышел к ней без штанов, с севшими штанами в кулаке и в рубашке, застёгнутой под самое горло. Через дверь я слышала, что Кейли замолчала на полуслове и шумно втянула воздух носом. Драконий нюх не обмануть ни засовом, ни мылом, и запах из прачечной рассказал ей всё без единого слова.

На счёте двести сорок терпение у меня кончилось, и я выглянула в коридор. Кейли стояла в дальнем его конце с блюдцем в руке и смотрела прямо на меня, на перекошенную блузку и распущенные волосы. Пирожное на блюдце подрагивало, а зелёные глаза над ним сузились в две щели.

К завтраку о прачечной знал весь "Изумрудный Грот".

Слух Кейли пустила аккуратный, из трёх слов: прачечная, полукровка, Кассиан. Манго в нём отсутствовало по понятной причине, а про метку она, судя по всему, пока не знала сама. Я несла поднос через столовую, шёпот тянулся за мной от раздачи до окна, и слово "прачечная" я разобрала в нём четыре раза.

Метка под блузкой никак себя не проявляла, и всё же я помнила о ней каждую минуту. Утром я десять минут разглядывала её в зеркале, золотую, тонкую, с медным отливом на каждом завитке. Красивая вышла вещь, и прятать её предстояло под рукавами до самого выпуска.

Нора Мару опустилась на стул напротив и поставила локти на стол. Синие волосы у неё с утра торчали дыбом, а фиалковые глаза смотрели на меня в упор.

— Говорят, ты ночью испортила Кассиану счастливые штаны, а заодно и самого Кассиана, – сказала она вместо приветствия. – Штанов мне не жалко, а за тебя я переживаю.

— Штаны сели при кипячении, Кассиан цел, я тоже цела, – ответила я и откусила от булочки с корицей, чтобы не продолжать.

Нора помолчала, потом подвинула ко мне свою чашку кофе, полную до краёв. За шесть лет дружбы я выучила, что этот жест заменяет ей длинную речь о поддержке.

— Расскажешь остальное, когда оно перестанет гореть у тебя на лице, – добавила она и принялась за омлет.

Первой парой стояла лекция профессора Вальтера, и до девяти утра я прилежно скрипела пером.

Ровно в девять, посреди фразы о магическом истощении, у меня вспотели ладони и свело живот, хотя бояться на лекции мне было совершенно нечего. Страх сидел под рёбрами чужой, колючий, с привкусом мела и казённой аудитории.

В девять утра у Кассиана Дэраго начиналась защита выпускного проекта.

Я отложила перо и стала дышать на счёт, медленно, по правилам для пациентов с паникой. Чужой страх отступил на полминуты и вернулся с подкреплением. Про разделённые чувства истинной пары нам читали на втором курсе, и я тогда записала в конспекте: "редко, романтично, на экзамене не спросят".

Подробности принесла Нора за обедом.

— Он всё-таки втиснулся в счастливые штаны и пришёл в них на защиту. Штанины кончались на ладонь выше щиколотки, а присесть перед комиссией он не решился ни разу. Потом он целую минуту вспоминал название собственного проекта.

— И чем дело кончилось, вспомнил?

— Вспомнил, а дальше назвал опорную арку сдобной. Комиссия попросила повторить, и он повторил слово в слово: "сдобная арка главного пролёта". Высший балл ему всё равно поставили, но председатель занёс термин в протокол.

Компот пошёл у меня носом, и Нора молча подала салфетку.

— Вся академия винит штаны, – продолжила она, разглядывая меня. – Я бы на её месте присмотрелась к прачечной.

После обеда дорога на практикум вела мимо архитектурного крыла, и обходного пути я не знала.

В коридоре у аудитории архитекторов он шёл мне навстречу со своей обычной свитой. Золотистые волосы хранили прежнюю выверенную небрежность, жилет сидел безупречно, и только севшие счастливые штаны открывали щиколотки и туго обтягивали всё остальное. Я прижала сумку к боку и приготовила лицо для вежливого кивка.

— Кас, а правда, что ты вчера заперся в прачечной с какой-то Лоран с лекарского? – громко спросил кто-то из свиты.

— С которой из них? – Кассиан даже не замедлил шаг. – На лекарском факультете Лоранов половина списка.

Свита захохотала, а он прошёл в полушаге от меня, глядя поверх моей головы на стену, и наклонился к варгасовской блондинке с серебряной косой. Что он шепнул ей на ухо, я не расслышала, зато её смех разнёсся на весь этаж.

Булочка с корицей встала у меня в горле комом, а в животе сделалось пусто и холодно. Шесть лет я умела пошутить над собой первой и оставить любого остряка без работы. Сейчас шутка не приходила, и я стояла посреди коридора с горящими ушами и сумкой, вцепившись в ремень обеими руками.

Обида поднялась во мне горячей волной, от живота к самому горлу.

Кассиан впереди споткнулся на ровном полу и прижал ладонь к груди. Он почти обернулся, я видела поворот головы на четверть, после чего блондинка потянула его за рукав. Свита двинулась дальше, а он ещё три шага растирал грудь через жилет.

Я медленно разжала пальцы на ремне. Мои чувства, выходит, доходили до него в целости, и обидно нам было вдвоём. Лекарь во мне достал воображаемый блокнот и записал это наблюдение крупными буквами.

Остаток дня я провела в библиотеке, за самым дальним столом и спиной к двери.

Вечером я вернулась в комнату с твёрдым намерением выспаться и ни о ком не думать. Окно стояло приоткрытым, и на подоконнике лежала горка светлого песка, которой утром там не было.

Песчинки зашевелились, едва я подошла. Они расползлись по подоконнику тонкими ручейками, собрались в строчки и замерли аккуратными буквами с чертёжным наклоном.

"Нужно поговорить. Полночь, прачечная".

Я перечитала послание дважды и послушала собственное тело. Ладони потеплели, в животе сладко заныло, а сердце застучало где-то в горле. Голова при этом напоминала, что автор песчаных букв шесть часов назад не вспомнил, которая я из Лоранов.

Указательным пальцем я вывела под его строчкой свою: "Приходи в штанах".

Песок на минуту замер, и я успела представить, что на том конце подбирают слова. Потом мои буквы осыпались, и на их месте медленно, с явной неохотой, сложилось новое:

"Постараюсь".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.